

Научная статья

УДК 141.7: 004.9

DOI: 10.18384/2949-5148-2026-1-114-123

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЦИФРОВОЙ УТОПИИ XXI ВЕКА

Халуторных О. Н.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: Olganik@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.12.2025

После доработки 29.12.2025

Принята к публикации 15.01.2026

Аннотация

Цель. В статье проводится всесторонний анализ цифровой утопии как объекта исследования социальной философии, сформировавшегося в XXI в., а также применяемых в ней технологий управления.

Процедура и методы. Работа выполнена на основе системного подхода с использованием методов контент- и сравнительного анализа.

Результаты. Сформулировано авторское определение цифровой утопии как социального проекта, имманентно связанного с современными технологиями управления. Выявлена амбивалентная природа управленческих технологий, значимых для формирования цифровой утопии: с одной стороны, они реализуют идеал «прозрачного» и безопасного общества, с другой – формируют систему тотального контроля, цифрового неравенства, нового вида социального принуждения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автор статьи приходит к выводу, что современный человек в рамках цифровой утопии всё сильнее трансформируется в новый тип индивида – Homo informaticus, чьи жизненные практики и решения зависят от предоставляемых системой алгоритмических решений и информационных потоков. Работа актуализирует необходимость гуманитарной экспертизы цифровизации для минимизации рисков утраты автономии, приватности и человеческой идентичности.

Ключевые слова: цифровая утопия, идеальное общество, управленческие технологии, искусственный интеллект, социальный контроль, алгоритмическое управление, *Homo informaticus*

Для цитирования:

Халуторных О. В. Управленческие технологии в цифровой утопии XXI века // Современные философские исследования. 2026. № 1. С. 114–123. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-114-123>.

Original research article

MANAGEMENT TECHNOLOGIES IN DIGITAL UTOPIA OF THE 21ST CENTURY

O. Khalutornykh

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation

e-mail: Olganik@yandex.ru

Received by the editorial office 15.12.2025

Revised by the author 29.12.2025

Accepted for publication 15.01.2026

Abstract

Aim. The article provides a comprehensive analysis of digital utopia as an object of research in social philosophy that emerged in the 21st century, as well as the management technologies used in it.

Methodology. The research is based on a system approach using content analysis and comparative analysis.

Results. The author's definition of digital utopia is formulated; it is considered as a social project inherently linked to modern management technologies. The ambivalent nature of management technologies significant for the formation of digital utopia is revealed – they realize the ideal of a “transparent” and secure society, but also create a system of total control, digital inequality, and a new type of social coercion.

Research implications. The author concludes that within the framework of a digital utopia, modern humans are increasingly transforming into a new type of individual – Homo informaticus – whose life practices and decisions depend on algorithmic solutions and information flows provided by the system. The study underscores the necessity of a humanitarian assessment of digitalization to minimize the risks of losing autonomy, privacy, and human identity.

Keywords: digital utopia, ideal society, management technologies, artificial intelligence, social control, algorithmic governance, Homo informaticus

For citation:

Khalutornykh, O. V. (2026). Management Technologies in Digital Utopia of the 21st Century. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, 114–123. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-114-123>.

...Мы свободны от наших трудов
и сливаемся снова с природой...
и все живём под опекой
любящих машин.
Р. Бротиган¹

Введение

Современный мир стоит на пороге фундаментального перехода к новой форме общественного устройства – цифровому обществу. Новейшие технологии пронизывают все сферы жизни, формируя особую цифровую реальность. Доступ к знаниям, технологиям, их эффективное использование становятся важным условием обеспечения устойчивого развития как отдельных государств, так и всего человечества. «Умные» технологии призваны сделать нашу жизнь более безопасной, комфортной, эффективно распределять имеющиеся ресурсы, освободить человека от тяжёлого монотонного труда. Однако наряду с декларируемыми благами возникают и новые риски: цифровая дифференциация, реализация тотальных механиз-

мов надзора, внедрение нетранспарентных алгоритмов принятия государственных решений, замещение реальной личности цифровым образом и, как следствие, потеря человеком собственной идентичности. Таким образом, проект цифрового общества должен быть всесторонне подвергнут гуманитарной экспертизе.

Целесообразно отметить, что термин «цифровое общество», несмотря на широкое использование в научном дискурсе, остаётся неоднозначным. Многогранность «цифровой жизни» (Д. Тэплин), её постоянная эволюция и глубокое влияние на социальные, экономические, культурные общественные процессы затрудняют поиск универсальной формулировки. Предполагается более плодотворным анализ различных концептуальных подходов к пониманию данного феномена. Так, В. И. Пржиленский считает, что цифровая реальность проявляется бинарно – на

¹ Brautigan R. All Watched Over by Machines of Loving Grace. Communication Company, 1967. 28 p.

уровне системы и на уровне жизненного мира [1]. На уровне системы возможен анализ с помощью классических методов научного познания (обобщение, социальное моделирование и т. д.). На уровне жизненного мира цифровая реальность предстаёт как набор стремительно меняющихся значений и смыслов, значимых для человека. Невозможно не согласиться с М. Чан, утверждавшим, что «в цифровой реальности тело и цифровые технологии рассматриваются как явления одного порядка, и первое, и второе выглядят как чувственно воспринимаемые. При этом социальные и культурные детерминанты фильтруют, формируют и направляют наше восприятие посредством таких устройств, как смартфоны, телефоны, консоли, планшетные компьютеры и т. д.» [2, р. 208]. Г. Таунер предлагает рассматривать конструирование цифровой реальности как результат и условие хранения, а также использования информационного кода [3]. О. А. Гримов определяет цифровую реальность как формируемый новейшими эмерджентными технологиями многоуровневый ландшафт современности [4]. Текст, изображения, видео, алгоритмы – любые формы данных, существующие и обрабатываемые в цифровом виде, образуют информационное тело цифрового мира, которое поддерживается новейшими технологиями, программным обеспечением, сетями, платформами, обеспечивающими создание, хранение и передачу информации. Но цифровая реальность не существует в вакууме – она создаётся и используется людьми для общения, работы, обучения, развлечений. Сеть, адаптируясь к растущим объёмам данных и числу пользователей, позволяет всем, кто в ней находится, взаимодействовать с цифровыми объектами и друг с другом, активно размывает границы между «онлайн» и «офлайн» опытом и всё глубже проникает в физический мир, меняя наше восприятие, мышление и способности взаимодействия. Глобальный процесс цифровизации влечёт за собой неизбежную трансформацию традиционных институтов и механизмов управления. Массивы

информации, сложные коммуникации, искусственный интеллект изменяют не только материальную сферу, они порождают иные аксиологические нормы. Важнейшие социальные взаимодействия смещаются из плоскости «человек – природа – человек» в область «человек-технологии-информация». С одной стороны, цифровизация аккумулирует условия для формирования «прозрачного» общества, модифицирует управленческие практики, с другой – создаёт беспрецедентные возможности для жёсткого контроля и манипуляций массовым сознанием. «Современный этап развития общества с полным основанием можно охарактеризовать как виртуальную, или цифровую революцию, а XXI в. – веком интернета, который можно назвать бездуховным интеллектом. Сегодня цифровые технологии проникают во все сферы жизнедеятельности человека, создавая новую реальность – псевдогуманизм» [5, с. 34]. Мир превращается в калейдоскоп симулякров, где человек предстаёт уже «не органическим телом, не субъективностью, которая в числовой мир не вписывается, а вычислительной машиной и базой данных. Человек в нём уже не человек, а числовой пробел мира» [6, с. 138]. Новая действительность неизбежно порождает новые модели идеального социума, которые, подобно увеличительному зеркалу, отражают надежды, чаяния и страхи современного человечества.

Особенности формирования цифровой утопии

В контексте информационного общества, представляющего сложный симбиоз материального и цифрового, современные утопические проекты становятся одним из значимых инструментов конструирования социальной организации. Идея цифровой утопии уходит корнями в ранние представления о потенциале компьютеров и интернета. Такие энтузиасты, как А. Тьюринг и Джон фон Нейман, видели в компьютерах не просто орудия вычислений, а потенциально мощные инструменты для решения

сложных социальных и экономических задач, которые обязательно приведут к созданию всеобщего равного доступа к знаниям, упрощению коммуникации и в итоге к рождению более справедливого и гармоничного общества. В начале развития интернета многие верили, что он станет пространством свободной и открытой коммуникации, где каждый голос будет услышан, а границы и преграды стёрты.

В цифровой философии существует концептуальное различие между киберутопией и цифровой утопией, которое отражает различные исторические этапы осмысления технологического прогресса и его социальных последствий. Киберутопия представляет раннюю форму технологического утопизма, сформировавшуюся в 1980–1990-х гг. Как отмечает Ф. Тёрнер, [7], киберутопия характеризуется романтизацией виртуального пространства как области абсолютной свободы от физических и социальных ограничений, верой в эмансипаторный потенциал децентрализованных сетевых структур, воспеваает идеи технологического либертарианства, выраженные в «Декларации независимости киберпространства» Джона Перри Барлоу.

Цифровая утопия – более поздний концепт, отражающий опыт массовой цифровизации общества 2000–2025-х гг. Цифровая утопия видит основу социальной организации в чётком управленческом алгоритме большими данными, унификации всех жизненных процессов, верифицирует показатели эффективности через метрики и количественные показатели. Киберутопия сохраняет элементы трансцендентного идеала, тогда как цифровая утопия имманентна и прагматична. При этом киберутопия часто содержит критику государственных моделей управления, в то время как цифровая утопия может зачастую сочетаться с идеями «цифрового государства», «электронного правительства». Данное различие становится особенно значимым в контексте современных дискуссий о цифровом суверенитете и технологическом развитии общества.

Таким образом, киберутопия и цифровая утопия представляют различные этапы становления технологического утопизма. В рамках цифровой утопии высшей ценностью становится информация, а основным достижением общества провозглашается равенство доступа к базам данных. Наравне с этим усиливаются реальная дифференциация, строгая социальная иерархия, основанная на создании и контроле цифровых потоков и алгоритмическом регулировании жизни.

Управленческие технологии в классических утопиях

Каждая утопия, в отличие от фантастических или сказочных произведений, содержит подробное описание общественного и / или государственного устройства, технологий управления, которые, по мнению автора, способствуют рождению более совершенного и справедливого социума. Так, в «Государстве» Платона подробно описывается технология формирования управленческой элиты (философы), призванной через разумное законотворчество и правление обеспечить гармоничное существование жителей полиса. Упразднение института семьи и частной собственности для стражей и правителей позволяет предотвратить конфликт интересов и использование служебного положения в личных целях. Жёсткая цензура в искусстве позволяет воспитывать послушание и способствует выработке «правильных» моделей поведения граждан.

В классических утопиях эпохи Возрождения (Т. Мор «Утопия», Т. Кампанелла «Город Солнца») авторами описываются управленческие технологии, обеспечивающие прозрачность, выборность и сменяемость властей, все должностные лица (филархи, протофиларх, князья) избираются и могут быть смещены, если заподозрены в стремлении к тирании. У Мора власть становится обязанностью, а не привилегией, все решения принимаются народным собранием или сенатом при максимальной гласности, чтобы избежать

заговоров. Принципы планирования и перераспределения, общая собственность, обязательный труд для всех утопийцев уничтожают возможность любого неравенства, гарантируют изобилие. Строгая регламентация быта (стандартная одежда, одинаковая планировка домов и городов, совместные трапезы, контроль за передвижением) не позволяют развиться зависти и корыстолюбию. Подобная система делает «порочное» поведение утопийцев невозможным.

Т. Кампанелла в «Городе Солнца» описывает модель ноократии, создающей общественное благо через тотальную регламентацию жизни на основе «естественной магии» (науки), образовательных технологий (стены города становятся инструментом образования, идеологии и наглядной агитации). Автор отстаивает идею жёсткого контроля над деторождением. Служба «Любовь» подбирает пары для зачатия по принципу наилучшего сочетания качеств будущих родителей (евгеника). Дети воспитываются государством, что позволяет формировать «нового человека», который становится носителем исключительно коллективных ценностей. Все действия граждан (работа, еда, сон, отдых) строго распланированы и контролируются правительством.

В отечественной философской традиции система управленческих технологий в утопии приобретает уникальные черты, сочетая критику западного технократизма, необходимость сохранения религиозно-этических норм российского общества. Так, князь М. М. Щербатов в отечественной патриархально-дворянской утопии «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» описывает целостную технологию, включающую такие механизмы, как пространственное управление, обратная связь и управление личным примером. В своём произведении автор интуитивно предвосхитил принципы пространственного подхода к управлению, который получил теоретическое оформление лишь в XIX в. в работах И. Г. фон Тюнена. М. М. Щербатов рассматривает территориальные ресурсы

(природные, человеческие, экономические) как основу для активного развития региона, требующего рационального и эффективного использования. Например, в идеальном Офире замок, утратив декоративную функцию, получает производственное (размещение фаянсовой фабрики, использующей местную глину) и рекреационное (сохранение садов для гуляний) назначения. Данное превращение демонстрирует принцип поиска конкурентных преимуществ конкретному пространству. Щербатов предлагает рационально размещать города, торги и ярмарки на таком расстоянии друг от друга, чтобы земледелец мог доехать до рынка «в два или три дня»¹. Эта идея соотносится с теорией Тюнена об оптимизации транспортных издержек. При этом «нижние правительства» (органы местного управления) должны быть территориально доступны для населения, размещаясь не только в городах, но и в крупных деревнях, чтобы «каждому удобно было к оным прибегнуть»², что призвано повысить эффективность как экономики, так и административной системы. Государь обязан общаться не только с высшими чинами, но и с «нижними», чтобы не быть «слепым в рассуждении орудий»³ и не зависеть всецело от окружения. Эта идея, заимствованная из современной Щербатову реформаторской практики (и позже закреплённая в Жалованной грамоте дворянству 1785 г.), легитимизирует обратную связь через представительные институты. Личный пример направлен на формирование и поддержание легитимности власти, без которой эффективное управление невозможно. «Правильное» публичное поведение правящей элиты призвано формировать доверие народа и рассматривается как мощнейший инструмент управления нравами и укрепления социальных связей [8].

¹ Щербатов М. М. Избранные труды. М. РОССПЭН, 2010. С. 204.

² Там же. С. 250.

³ Там же. С. 255.

Управленческие технологии в антиутопии

Произведения, повествующие о худшем государственном устройстве, в которых подробно описываются управленческие технологии тотального надзора и подавления государством отдельной личности, – антиутопии – могут быть рассмотрены как специфический жанр романа-предвидения, рисующего негативные последствия реализованных идей социальной утопии [9]. Уже ставшие классическими романы Е. Замятина «Мы», Дж. Оруэлла «1984», О. Хаксли «О дивный новый мир» представляют модели управления социумом, основанном на полной унификации жизни, уничтожении свободы воли человека, его индивидуальности ради коллективного счастья.

В антиутопии Е. Замятина «Мы» перед читателем предстаёт мир, в котором запрещена любая приватность: стены из стекла, невозможность занавесить окна делает любое действие индивида публичным, поощряются доносы, в том числе на близких, слежка возведена в ранг добродетели и гражданской обязанности, неконтролируемое пространство за стенами города объявляется враждебным и опасным. Так же, как и в классических утопиях, жизнь (и мысли) чётко регламентирована, единообразна и контролируема, уничтожаются любые внешние признаки инаковости, человек становится винтиком, «номером» в системе. Как и у Платона, искусство поставлено на службу государству. Сочинительская машина «поэм» создаёт произведения исключительно на разрешённые темы, музыка строго математична. Способность человека мечтать, анализировать, критически мыслить, бунтовать «излечивается» хирургическим путём.

Удержание власти Партии ради самой власти, достижение тотального контроля над реальностью, прошлым и сознанием в романе Дж. Оруэлла «1984» достигается более изощренными манипуляциями. «Министерство Правды» систематически переписывает историю, уничтожает доку-

менты и создаёт новые, прошлое становится таким, каким его хочет видеть правящее меньшинство («Кто управляет прошлым, тот управляет будущим»). Утопийцев заставляют одновременно верить во взаимоисключающие убеждения, что уничтожает способность к критическому мышлению («Война – это мир. Свобода – это рабство. Незнание – сила»). Из обихода исчезают слова «свобода», «личность», «справедливость». Преступлением объявляются не только действие или мысль, но и непроизвольное выражение лица, что порождает перманентный внутренний страх.

О. Хаксли в романе «О дивный новый мир» описывает более мягкие технологии управления. Стабильность общества потребления достигается через гарантированное счастье, уничтожение желаний и устранение страданий. Механизмом управления становится не террор, а тиражирование нехитрых удовольствий. Новейшие биотехнологии создают конвейерное производство людей в пробирках с predeterminedными физическими и умственными параметрами (альфы, беты, гаммы, дельты, эпсилон), что эффективно решает проблему социального неравенства – каждый доволен предназначенной ему ролью. Внушение «правильных» установок во сне с младенчества формирует необходимые убеждения, внушает отвращение к природе и чтению книг. Управление эмоциями и поведением осуществляется посредством приёма наркотика, способного подавлять любые негативные эмоции, тревоги, желание думать. Культ потребления (выбрасывания вещей) поддерживает экономику и даёт ложное ощущение наличия значимой цели, выражающейся лозунгом «Каждый принадлежит всем».

Управленческие технологии как инструмент конструирования цифровой утопии

Современные управленческие технологии, включая системы управления большими данными, алгоритмическое управление и платформенные решения становятся ар-

хитектурным основанием цифровой утопии. Они не просто обслуживают утопический проект, но активно конструируют его, определяя параметры социальной реальности и границы возможного. Массовая компьютеризация создаёт условия для институционализации новых форм контроля. Системы алгоритмического управления, основанные на работе искусственного интеллекта, позволяют осуществлять тонкую настройку общественных процессов, создавая иллюзию «естественного» и «объективного» порядка. Однако за этой иллюзией скрываются конкретные управленческие решения властвующих элит.

Целесообразно отметить, что романы, в которых детально описывается социум, где технологические достижения способны привести к решению ключевых проблем человечества, в литературе довольно редки. Одним из самых известных произведений данного жанра, созданного в стиле киберпанка, является утопия Н. Стивенсона «Лавина». В ней детально представлена комплексная модель цифровой квазиутопии, описывающей общество, стабильность и функциональность которого обеспечивается специфическим набором механизмов управления. Будучи систематизированными, они образуют технологию, анализ которой позволяет выявить ключевые парадоксы и риски, присущие проектам тотальной цифровизации общественного пространства в реальном мире.

Цифровая утопия Стивенсона локализована в Метавселенной – корпоративно-технологической платформе, регламентирующей все аспекты социальной жизни граждан. Управление осуществляется через архитектуру интерфейса и систему социальных рангов. Аватар пользователя, его «земельный надел» (лот) и внешний вид становятся прямыми объектами воздействия, формируя цифровое социальное тело, подчинённое правилам платформы. Декларируемые равенство и свобода (доступ есть у всех) иерархизируются через коммерциализацию атрибутов статуса. Таким образом, первичным механизмом управления становится дизайн виртуаль-

ной среды, детерминирующий поведенческие паттерны и социальные взаимодействия людей. Управление в физическом мире «Лавины» делегировано частным акторам – франшизам («Рамочка-лодочка», ЦРУ, мафия), что отражает крах национального государства. В Метавселенной эту роль берут на себя корпоративные администрации, сообщества по интересам (клубы), диктующие собственные правила и системы модерации. Формируется модель ризоматического управления, в которой отсутствует линейность, универсальность, но возможно существование множества кластеров, контролируемых алгоритмическим администрированием доступа и частными правилами поведения. При этом, как и в антиутопиях XX в., порядок в Метавселенной поддерживается тотальным надзором. Хотя прямой полицейский контроль не доминирует, публичность логов, фиксация действий аватара, рейтинг репутаций создают стойкий эффект паноптикума [10]. Пользователь всегда помнит, что за всеми его действиями наблюдают, и внутренне дисциплинируется. Технология превентивного управления поведением через осознание постоянного мониторинга обеспечивает саморегуляцию системы. Однако даже такая модель цифровой утопии не совершенна. Биолого-лингвистический вирус, воздействующий непосредственно на мозг пользователя через зрительную и языковую системы в обход виртуальных систем слежения, разрушает контроль паноптикума. Метавселенная оказывается беззащитной перед атакой «лавины» на физическую, более глубинную, «довербальную» сущность человека.

Целесообразно отметить, что цифровая утопия Стивенсона не является обществом всеобщего благоденствия. Это, скорее, виртуальный идеал, обеспечивающий порядок и возможность псевдовыражения автара внутри защищённой корпоративной платформы. Управление здесь осуществляется не через традиционные политические институты, а через конвергенцию дизайнера среды-платформы, кластерного

самоуправления, тотального паноптикума и нейролингвистического вмешательства. Стивенсон убедительно демонстрирует, что утопический цифровой порядок неизбежно порождает новые формы социальной стратификации, новые риски, где контроль над информацией оборачивается возможностью контроля над массовым и индивидуальным сознанием, нивелируя традиционные человеческие ценности, изначально провозглашаемые киберутопией как абсолютные [11].

Заключение

Проведённый анализ особенностей, базовых характеристик цифровой утопии позволяет сформулировать ряд ключевых выводов.

1. Цифровая утопия XXI в. может быть рассмотрена как развивающийся социально-технологический проект общественного устройства, имманентно связанный с практиками алгоритмического управления, обработки больших данных и платформизации. Она эволюционирует от романтического киберутопизма 1990-х гг., делавшего акцент на свободе и децентрализации интернет-пространства, к прагматичной модели, где высшей ценностью становится эффективность, предсказуемость и управляемость социальных процессов через цифровые интерфейсы. С одной стороны, цифровая утопия предлагает решение фундаментальных проблем современности (растущая преступность, террористические угрозы, экономические, экологические кризисы, неравенство доступа) через «умные» системы – большие данные и искусственный интеллект позволяют оптимизировать распределение ресурсов, персонализировать услуги, обеспечивать безопасность, комфорт и порядок, реализуя идеал «прозрачного» общества. С другой – эти же технологии формируют инфраструктуру для тотального контроля и нового социального принуждения вследствие эффекта цифрового паноптикума, когда постоянная возможность наблюдения (со стороны государства, корпораций

или алгоритмов) приводит к интериоризации контроля и становится базовым принципом общественной жизни.

2. История убедительно демонстрирует, утопическое что мышление всегда было тесно связано с разработкой технологий социального управления, направленных на достижение гармонии и всеобщего процветания. Однако классические утопии / антиутопии от Античности до XX в. стремились искоренить не только конфликты, неравенство, пороки, но и «слишком человеческое» в самом человеке (индивидуальность, несовершенство, право на сомнение и ошибку) через тщательно выстроенные социальные механизмы контроля и подавления. Цифровая утопия наследует эту логику, но переносит её в новую среду, где инструментами управления становятся алгоритмы, интерфейсы, цифровые следы и т. д.

3. Антиутопическая традиция XX в., предвосхитившая многие риски технологического общества, остаётся предельно актуальной и сегодня. Угрозы, описанные Замятинным (уничтожение приватности, тотальная регламентация), Оруэллом (манипуляция сознанием и историей) и Хаксли (управление через потребление, удовольствие, генетическое программирование), обретают новое звучание в цифровую эпоху. Но если антиутопии XX в. боролись с тоталитарными государствами, то современные вызовы исходят от гибридных систем надзора, где государственные и корпоративные интересы переплетаются в цифровой среде, а управление осуществляется через «мягкую силу» алгоритмических рекомендаций, систем социального кредита и поведенческой аналитики.

4. Важнейшим следствием возможной реализации проекта цифровой утопии является антропологическая трансформация. Человек всё больше превращается в *Homo informaticus* – субъект, чья идентичность, социальные связи и возможности опосредованы цифровыми технологиями. Его свобода воли и критическое мышление ставятся под сомнение не только внешним манипулированием, но и глубо-

кой зависимостью от «поставляемых» системой готовых решений, поведенческих паттернов и информационных потоков. Формируется новый тип социальности, в которой реальность замещается симулякрами, а подлинное человеческое взаимодействие – оптимизированными цифровыми коммуникациями.

Таким образом, с одной стороны, цифровые технологии, искусственный интеллект способны освободить человека от тяжёлого рутинного труда, расширить его возможности, с другой – они же способствуют формированию и частичной реали-

зации антиутопических сценариев нового цифрового порядка, основанного на всевидящем оке алгоритмов и утрате человеческой автономии. Перед современной цивилизацией стоит важнейшая задача – признавая объективную неизбежность цифрового перехода, необходимо осознать и нивелировать сопутствующие ему риски, а также отстоять и сохранить непреложные ценности человеческого бытия – уникальность личности, достоинство, право на приватность и свободу самоопределения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пржиленский В. И. Понятие цифровой реальности: значение и смысл // *Философия науки и техники*. 2021. Т. 26. № 2. С. 68–80.
2. Chan M. *Digital Reality: The Body and Digital Technologies*. London: Bloomsbury Academic, 2018. 208 p.
3. Towner, G. *Thinking Like a Computer. An Introduction to Digital Realty*. London: Austin Macauley Publishers, 2020. 185 p.
4. Гримов О. А. Цифровая реальность: социальная онтология и методология эмпирического изучения // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2019. № 3. С. 42–50.
5. Бондарева Я. В., Жаворонкова Г. А. Формирование новой социальной реальности (гуманизм vs искусственный интеллект) // *Современные философские исследования*. 2025. № 1. С. 33–39. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-33-39.
6. Пиренок Ф. И. Основные принципы дигитальной философии // *Философия хозяйства*. 2018. № 6. С. 133–139.
7. Turner F. *From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth. Network, and the Rise of Digital Utopianism*. Chicago: University of Chicago, 2006. 354 p.
8. Соловьёв К. А. Принципы государственного управления в социальной утопии князя М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2020. № 2. С. 3–19.
9. Халуторных О. Н. Антиутопия как социокультурный прогноз развития общества риска [Электронный ресурс] // *Гуманитарный вестник МГТУ им. Н. Э. Баумана: [сайт]*. 2021. № 3 (89). URL: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/723.html> (дата обращения: 10.12.2025). DOI: 10.18698/2306-8477-2021-3-723.
10. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 383 с.
11. Королев П. А. «О дивный новый “1984”»: режимные аспекты цифровой (анти)утопии // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2024. № 3. С. 204–218. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-204-218.

REFERENCES

1. Przhilensky, V. I. (2021). The Concept of Digital Reality: Meaning and Sense. In: *Philosophy of Science and Technology*, 26 (2), 68–80 (in Russ.).
2. Chan, M. (2018). *Digital Reality: The Body and Digital Technologies*. London: Bloomsbury Academic.
3. Towner, G. (2020). *Thinking Like a Computer. An Introduction to Digital Realty*. London: Austin Macauley Publishers.
4. Grimov, O. A. (2019). Digital Reality: Social Ontology and Methodology of Empirical Study. In: *Complexity. Mind. Postnonclassical*, 3, 42–50 (in Russ.).
5. Bondareva, Ya. V. & Zhavoronkova, G. A. (2025). Formation of a New Social Reality (Humanism vs. Artificial Intelligence). In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, 33–39. DOI: 10.18384/2949-5148-

2025-1-33-39.

6. Girenok, F. I. (2018). Basic Principles of Digital Philosophy. In: *Philosophy of Economy*, 6, 133–139 (in Russ.).
7. Turner, F. (2006). *From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism*. Chicago: University of Chicago.
8. Soloviev, K. A. (2020). Principles of Public Administration in the Social Utopia of Prince M. M. Shcherbatov's "Journey to the Land of Ophir of Mr. S... a Swedish Nobleman." In: *Lomonosov Public Administration Journal*, 2, 3–19 (in Russ.).
9. Khalutornykh, O. N. (2021). Dystopia as a Social Cultural Forecast for the Development of a Risk Society. In: *Humanities Bulletin*, 3 (89). URL: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/723.html> (accessed: 10.12.2025). DOI: 10.18698/2306-8477-2021-3-723.
10. Foucault, M. (2016). *Discipline and Punish. The Birth of the Prison*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russ.).
11. Korolev, P. A. (2024). Brave New "1984": Regime Aspects of Digital (Anti)utopia. In: *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*, 3, 204–218. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-204-218 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халуторных Ольга Николаевна (г. Москва) – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории государственного и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доцент кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;
e-mail: Olganik@eandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga N. Khalutornykh (Moscow) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of History of Public and Municipal Administration, Lomonosov Moscow State University; Assoc. Prof., Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: Olganik@eandex.ru